

Рокси Нокс

**СЛОВО ОФИЦЕРА.
БУДЕШЬ МОЕЙ, ИЗУМРУД!**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н79

Н79 **Нокс Р.**
Слово офицера. Будешь моей, Изумруд! / Рокси Нокс – М.:
Литнет, 2026. – 134 с.

ISBN 978-5-524-01068-1

– Ты для меня мертва, Зумруд. Проваливай, пока не отдал тебя на потеху роте, – эти жестокие слова мужа бьют наотмашь.

Белоснежная простыня в брачную ночь без единого пятна и ложное обвинение в измене разрушили мою семью.

Меня вышвырнули из дома. И я, отринув гордость, отправилась вслед за мужем Алиханом в военную часть, наивно надеясь доказать ему свою порядочность. Но вместо раскаяния любимый человек отдал меня на забаву своим друзьям...

Полковник Алхазов не просто спас меня от позора, он обещал защиту и покровительство, но в суровом взгляде стальных глаз читалось иное: теперь я безраздельно принадлежу ему.

Все персонажи и события вымышлены, к реальной обстановке в России и на Кавказе отношения не имеют.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01068-1

© Литнет, 2026
© Р. Нокс, 2026

Глава 1

Солнце находится в самом зените, пут струится по спине, а я стою в лабиринте нашего сада, среди старых персиковых деревьев, по распоряжению мачехи.

Голову напекло. Ведро у ног уже почти полное. Аромат бархатных персиков кружит голову, смешиваясь с запахом полыни, долетающим с ветром с окрестных склонов.

Вдруг тишину знойного дня разбивает топот босых ног по сухой, растрескавшейся земле.

– Зумруд! Зумруд! – из-за забора вылетает соседский мальчик, запыхавшийся, с раскрасневшимся лицом.

Замираю, так и не донеся сорванный персик до ведра. Мальчишка останавливается, хватая ртом воздух:

– Алихан приехал! Он на площади! У мечети! Пальцы разжимаются сами собой.

Персик падает в пыль, но я этого не замечаю. Жестяное ведро, задетое подолом платья, опрокидывается, и оранжевые плоды рассыпаются по траве. Мачеха будет в ярости, но ее гнев сейчас так далёк, так несущественен.

Я бегу, не разбирая дороги. Прочь из сада, через кривую калитку, мимо каменных дувалов, не чувствуя, как острые камешки впиваются в ступни.

Платок сползает на плечи, ветер бьет в лицо, принося запах дорожной пыли.

Вижу его издалека. Он стоит у старой арки, высокий, возмужавший, в армейской форме. Красивый!

Его взгляд ищет меня в толпе, и когда наши глаза встречаются, мир вокруг просто перестает существовать.

Я налетаю на него, как горный поток на валун. Алихан подхватывает меня, отрывая от земли, и я утыкаюсь носом в жесткую

ткань его кителя, пахнущую вокзалами и табаком.

Его руки сжимают меня так крепко, что перехватывает дыхание. Но я счастливо смеюсь.

– Ждала? – шепчет он прямо в ухо, и я чувствую, как его сердце колотится о мои ребра в унисон с моим.

Отстраняюсь совсем немного, только чтобы заглянуть в его потемневшие глаза, и просто киваю, не в силах вымолвить ни слова из-за сжимающего горло счастья.

– Ждала, – наконец выдыхаю я, и этот звук теряется в складках его одежды.

– Значит – женюсь! – заявляет Алихан громко, на всю улицу, и его голос разносится над крышами домов. – Я женюсь на Зумруд, все слышали?!

Свадьба шумела на все село: столы ломились от хинкала, разнообразных овощей и ароматного мяса, а лезгинка не смолкала ни на минуту.

В разгар веселья один из захмелевших родственников, приобняв Алихана, хохотнул и шепнул ему что-то, указав на Самира – лучшего друга Алихана. Мой жених мгновенно изменился в лице.

Улыбка сошла с его губ, он насупился и до конца вечера уже не сводил с меня тяжелого, изучающего взгляда.

Когда наступило время, нас под ободрительные выкрики и шутки гостей проводили в дом.

Оставшись с ним наедине в тишине спальни, я почувствовала колючее напряжение. Алихан не спешил приближаться ко мне. Он долго молчал, глядя в окно, а затем глухо спросил:

– Зумруд, правду ли болтают люди? Говорят, Самир к тебе навещался, пока меня не было?

Самир вернулся из армии на полгода раньше, чем Алихан, и за это время я видела его от силы раза три-четыре. Он пытался поговорить со мной, но я быстро уходила, зная, что это запрещено.

Поднимаю на мужа глаза, полные искреннего непонимания, и твердо отвечаю:

– Неправда это, Алихан. Кроме тебя, в моем сердце и в моем доме никого не было. Клянусь Всевышним!

Алихан всматривается в мое лицо. Его гнев отступает, сменяясь нежностью. Он кладет руки мне на плечи и увлекает в первый страстный поцелуй.

Теперь уже можно. Мы муж и жена.

В эту первую брачную ночь Алихан ласков со мной, словно безмолвно просит прощения за свои минутные подозрения. Я раскрываюсь ему навстречу, плаваясь в сильных мужских руках.

– Тебе хорошо, Зумруд? Тебе нравится? – спрашивает вспотевший муж.

– Да, Алихан.

Терпеливо сношу неизбежную боль и благодарю Всевышнего за то, что послал мне такого хорошего мужа. Нетерпеливый, но осторожный. Толкается глубоко, но бережно.

– Ты немного суха. Чем мне тебя удивить?

– Я не знаю, Алихан. Это так и должно быть.

– А ты ничего от меня не скрываешь?

Не достигнув удовольствия, Алихан поднимается, и я замечаю, как его взгляд падает на постель.

Он видит безупречно чистую, белую простыню без единого следа. Крови нет.

Чувствую, как в комнате становится холодно, как в склепе. Вся его нежность мгновенно испаряется, превращаясь в ядовитую горечь.

Он склоняется к самому моему лицу, и я содрогаюсь, слыша его шепот, полный ледяной злобы и ненависти:

– Так я и знал. Обманщица... Лгунья проклятая!

Застываю, не в силах вздохнуть. В его потемневших глазах, в которых еще мгновение назад была любовь, теперь читалось презрение.

Алихан резко отпрянул, словно прикосновение ко мне теперь причиняло ему физическую боль или оскверняло его.

– Ты же поклялась, – цедит он, и его голос срывается на свистящий шепот. – Ты поклялась Всевышним, глядя мне в глаза... – его голос сорвался на хрип, от которого по моей коже пробежал мороз. – Зачем ты это сделала? Зачем вышла за меня, зная, что не девственница?! На что ты рассчитывала, тебя спрашиваю?!

Прикрываю наготу краем одеяла, чувствуя себя так, словно с меня заживо сдирают кожу. Губы дрожат, а в горле застрял сухой ком.

– Алихан, я не лгала тебе... Я не знаю, почему так, – мой шепот едва слышен в наступившей тишине комнаты. – Клянусь, кроме тебя, ко мне никто не прикасался!

– Довольно лжи! – выплевывает он, рывком поднимаясь с кровати. – Твои клятвы ничего не стоят, шлюха. Самир и ты... Да всё село шепчется, а я, как последний дурак, затыкал им глотки, защищая твою «честь»!

– Алихан, выслушай меня, умоляю! Позови врача, позови старших, я готова на любую проверку! – падаю на колени прямо на холодный пол и протягиваю к нему руки.

– Думаешь, получится договориться с кем-то прикрыть твой позор?! Не выйдет!

Алихан начинает стремительно одеваться, его движения резки. Он не смотрит на меня, и это безразличие пугает сильнее, чем если бы он поднял на меня руку.

– Что ты скажешь моему отцу? – спрашиваю я, чувствуя, как ледяной холод подбирается к самому сердцу.

На мгновение он замирает, и я вижу, как напряглись его широкие плечи.

– Я не стану позорить свой род, вынося эту грязь на улицу сегодня, – его голос звучит пугающе спокойно. – Но с этого рассвета ты для меня – никто. Ты будешь жить в этом доме, будешь носить мою фамилию, чтобы люди не смеялись мне в спину. Но ты никог-

да больше не увидишь моей ласки! Ты будешь искупать этот день до последнего вздоха, Зумруд! Видит Всевышний, я любил тебя, и поступаю с тобой милосердно. Скажи спасибо, что не убил.

– Алихан! – вскрикиваю я, но дверь с грохотом захлопывается за его спиной. Я выбегаю за ним в коридор и тотчас встречаюсь взглядом со свекровью...

Глава 2

Рассвет просачивается сквозь кухонное окно, подсвечивая мусор и крошки на полу, оставшиеся от вчерашнего праздника.

Я передвигаюсь как во сне, механически собирая со столов остатки еды, застывший жир и осколки разбитого кем-то бокала.

Каждое движение причиняет острую физическую боль, словно мои мышцы налиты свинцом.

Мать Алихана стоит в дверях, скрестив руки на груди. Кожей чувствую её взгляд – тяжелый, липкий, пропитанный подозрением. Она не помогает, только следит за каждым моим жестом, и ее молчание давит на плечи.

– Где Алихан? – наконец разрезает тишину её сухой голос.

Я не поднимаю головы. Сердце делает болезненный кувырок и затихает в горле.

– Странно всё это, – тянет свекровь, подходя ближе. От нее пахнет тяжелым парфюмом, которым она пыталась перебить вонь застарелой мочи. – Чтобы муж сбежал от молодой жены после первой же ночи... Такое в нашем доме случается впервые. Может, ты дала ему повод уйти? Может, в твоём прошлом есть пятна, которые не отстирать никакой водой?

Щеки вспыхивает огнем. Намеки ее бьют наотмашь, жалят ядом. Я хочу крикнуть, что ни в чем не виновата, что его холод – это ошибка, недоразумение, но слова застревают в горле.

Правда здесь никому не нужна.

– Что вы такое говорите, мама? – выдавливаю из себя, чувствуя, как предательски дрожит подбородок.

– Да не может быть, чтобы мой сын молча ушел после свадьбы! Мне ни слова не сказал, и по поводу простыни, велел не лезть. Отвечай, что у вас произошло!

Не выдержав давления, бросаю тряпку и почти бегом скрываюсь

в своей комнате, запираясь на щеколду.

Проходит один день, второй, третий. Алихана всё нет. Его телефон молчит, а постель с его стороны остается нетронутой и ледяной.

Я хожу по дому, как тень, стараясь не попадаться свекрови на глаза, но на четвертое утро плотину прорывает.

– Посмотри на себя! – кричит она, врываясь в гостиную, где я прибиралась. – Из-за тебя мой сын места себе не находит! Знаешь, куда он поехал?

Обратно в часть! Сбежал от твоего позора, лишь бы не видеть твоего лица. Сказал, контракт подпишет, и в самое пекло проситься будет!

Она подходит вплотную, её лицо искажено яростью, пальцы впиваются в моё предплечье.

– Если он погибнет, слышишь, дрянь? Если с моего сына хоть волос упадет – это будет на твоей совести. Уехал из-за тебя, шлюха! Сломала жизнь хорошему парню, опозорила наш дом! У-у! Ненавижу тебя!

Её крик звенит в ушах, а я стою неподвижно, глядя в пустоту. В голове пульсирует только одна мысль: он выбрал риск, лишь бы не делить со мной постель. Считает меня гулящей. И самое страшное, что я бессильна что-либо изменить.

Свекровь толкает меня в плечо, и я едва удерживаюсь на ногах, хватаясь за край комода.

– Чего встала? – шипит она враждебно. – Раз ты здесь осталась, будешь отрабатывать каждый кусок хлеба. Иди в ванную, там таз стоит. Чтобы всё было чисто к обеду!

Иду, словно во сне, переставляя ватные ноги.

В ванной комнате стоит удушливый, резкий запах неухоженной старости и болезни. У матери Алихана недержание, и она даже не пытается пользоваться средствами гигиены. В пластиковом тазу горой лежит её белье – грязное, мокрое, вызывающее приступ тошноты одним своим видом.

Закатываю рукава, стараясь не дышать.

Пальцы касаются холодной воды и скользкой ткани. Меня

выворачивает изнутри от брезгливости, горло сдавливает спазм, но я стискиваю зубы.

Тру, выполаскиваю, снова намыливаю.

Каждое движение – мой личный ад. Она специально заставляет меня делать это вручную, хотя в углу стоит современная машина. Ей нужно видеть, как я склоняюсь перед ней, как я погружаю руки в её нечистоты.

– Быстрее шевелись, неженка! – доносится её крик из коридора. – Думала, в сказку попала? Будешь за мной всё дерьмо выгребать, пока сын не вернется. Если вернется... Молись лучше!

Закрываю глаза, и слезы всё-таки капают в мыльную пену. Мне некуда идти. Перед глазами встает безразличное лицо отца и холодный, высокомерный взгляд мачехи Зули.

Я знаю наверняка: если появлюсь на их пороге, мачеха даже не пустит меня за калитку. Она вцепится в этот «позор» как в долгожданный подарок, раздует его до небес, чтобы навсегда закрыть мне дорогу домой.

Единственное, за что я шепчу «Альхамдулиллах» в пустоту ванной комнаты – это за молчание Алихана. Я молюсь так же усердно, чтобы он не подписал этот контракт. Чтобы одумался и вернулся ко мне. Ведь я люблю его! Я не изменяла, я верно ждала!

Но несмотря на всю ту боль, что я ему причинила, он не выдал меня. Если бы кто-то узнал, что муж считает меня нечистой, то моя кровь омыла бы порог этого дома, и никто не встал бы на мою защиту. А так, у них есть лишь одни догадки.

Продолжаю стирать, глядя на свои покрасневшие, огрубевшие от хозяйственного мыла руки.

И что? Это теперь моя жизнь: быть безмолвной служанкой у женщины, которая меня ненавидит, пока единственный человек, который мог бы меня защитить, ищет гибели?

Или Всевышний уготовил мне другую судьбу? И что же мне делать?